
Александр ЛОМТЕВ

ВЕТЕР НАД МОРЕМ

Повесть

Откуда он взялся, этот мощный столб восходящего потока, Алексей не сообразил. Крутил себе спирали в вялом термике, понемногу набирая высоту и выглядывая, где «пересечь» на другой, когда этот рассосется, как вдруг словно лошадь копытом саданула под зад! Крыло парaplана закрутило и с невероятной скоростью потащило вверх к далекому высокому и на первый взгляд безобидному облаку. Все попытки хоть как-то уйти из потока или сорвать купол, чтобы потом открыть запаску, ни к чему не приводили. Легкое желто-белое крыло словно налилось металлом, а стропы натянулись стальными струнами. Термик не только тащил его вверх, но еще и с каждой секундой сильнее раскручивал аппарат так, что в глазах все мелькало, как в калейдоскопе.

Такого ускорения Алексей никогда еще не испытывал. Обычно скорость подъема составляла два-три, ну, четыре метра в секунду. Изредка (сам он такого не испытывал) достигает семи-восьми метров, сейчас же мощный поток нес его вверх значительно быстрее — метров пятнадцать, а то и все двадцать в секунду; он даже не решался взглянуть на вариометр, лишь время от времени пытался свалить крыло, выдраться из этой воздушной воронки. Но безуспешно — аппарат упрямо тянул его все выше и выше. Три тысячи, четыре, пять...

На высоте десять тысяч метров над уровнем моря ни одно живое существо выжить не может. Это, как говорится, медицинский факт. Средняя температура здесь около минус пятидесяти градусов Цельсия. Любой мало-мальски опытный пилот-парaplанерист знает, что летом атмосфера охлаждается с каждым километром вверх приблизительно на шесть градусов. Поэтому можно легко подсчитать: если около земли плюс пятнадцать, стало быть, на расстоянии десяти километров от земли температура будет минус сорок пять. Но холод — не единственная опасность и, может быть, не главная. Давление. Если до высоты в три-четыре километра оно еще позволяет обычному человеку без кислородного прибора как-никак дышать, то выше пяти снижается почти вдвое. А это значит — возрастающая нехватка кислорода, кислородное голодание, отек легких и мозга, потеря сознания и...

Есть на такой высоте и другие опасности: удар молнией в грозовом облаке, столкновение с самолетом или птицами. Впрочем, с птицами парaplанеристы изредка сталкиваются и на малой высоте. В Интернете полно роликов столкновения парaplана с каким-нибудь через меру любопытным орлом или бестолковым грифом.

Александр Алексеевич Ломтев — журналист, писатель. Родился в 1956 году. Основатель и издатель культурно-просветительской газеты «Саровская пустынь». Публиковался в различных литературных журналах России. Автор книг «Путешествие с ангелом» (финалист Бунинской премии 2008 года в номинации «Открытые года»), «Ундервуд», «Пепел памяти». Лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура», премии «Патриот России» и др. Живет в г. Сарове Нижегородской области.

Слушая истерически повышающийся писк вариометра, Алексей с ужасом понимал, что попал в передрыгу, из которой ему вряд ли удастся выйти живым.

Он прекрасно знал, что его ждет в ближайшие минуты при таком стремительном подъеме на запредельные высоты: общая слабость, тяжесть во всем теле, сильная усталость, боль в висках, головокружение. Он даже представил себя со стороны: вцепившийся в стропы скрюченный человек с заиндевельными бровями и волосами, синими губами и кровавыми потеками из носа и рта, застывшие, плохо различающие окружающее глаза.

Теряя сознание, он успел увидеть, как в круговерти неба-земли-моря мелькнула знакомая гора, со склона которой он полчаса назад стартовал...

ГОРА

В общем-то, паром вовсе и не раздражал. Даже интересно потусоваться в «отстойнике» в очереди, потолкаться среди жаждущего крымского солнца народа, поглядеть на лица, послушать, о чем толкуют люди, а потом, загнав авто в брюхо парома, стоять у перил и ждать, появятся ли дельфины. И если черные лоснящиеся спины вдруг начнут весело мелькать за бортом, посчитать за хорошую примету.

Но все же мост — это благо. Приятно пролететь над Керченским проливом на скорости сто километров в час, разглядывая за отбойниками и фермами сразу оба берега — крымский и кавказский, маяк на мысу, россыпь судов на рейде, угадывая, где Азов сливается с Черным морем.

К тому же теперь не нужно колесить по бестолковой Керчи, ругая бестолковый навигатор за маршрут, бестолково проложенный по самым дырявым и раздолбаным улицам. Керчь теперь остается справа полосой серого пригорода.

От Керчи до Коктебеля езды — всего ничего. Особенно если учесть, что за спиной полторы тысячи километров и почти двадцать часов пути. «Маха» — так Алексей прозвал свою Kia Mohave — проглотила бы этот отрезок дороги моментально, но почти по всей трассе шли строительные работы: где-то расширяли старое шоссе, где-то прокладывалось новое, — поэтому ехать пришлось не спеша. Зато скоро весь Крым можно будет пролететь за несколько часов, с удовольствием думал Алексей, разглядывая уже положенный кое-где свежий асфальт. Качественно, кажется, кладут...

Он приезжал сюда из года в год уже лет двадцать подряд, не пропустив ни одного сезона, но до сих пор каждый раз легкое волнение охватывало его, когда за Феодосией, в Насыпном, он сворачивал налево в сторону Коктебеля. Отсюда открывался вид на гору Клементьева, и можно было увидеть, висят ли над ее длинной кромкой разноцветные лепестки парапланов и треугольнички дельтапланов.

Но нет, сегодня над горой было пусто. Подъезжая к Подгорному, Алексей все никак не мог решить, свернуть ли сразу на гору или сначала добраться до Тихой бухты и поставить бивак.

Все же решил завернуть на гору, постоять на краю обрыва, подышать настоящим на терпких травах ветерком, а заодно зайти в парапланерный бар, перекусить. Правда, шевелился в груди червячок — вспомнился тот неприятный разговор с Леной, хозяйкой бара и женой Сереги Жукова — инструктора, учившего когда-то Алексея летать. Даже и не разговор... До две тысячи четырнадцатого года они дружили, Алексей частенько наезжал к Жуковым в гости в Феодосию, не раз ночевал в их маленькой, но уютной и гостеприимной квартирке. И вдруг — референдум, «Крым наш» — и все. Если Серега, приехавший когда-то на полуостров из нижегородской глубинки, принял это спокойно и втайне даже положительно, то Лена словно сошла с ума. Тогда, в ав-

густе четырнадцатого, в первый же день приезда на Клемуху, Алексей вошел в бар и, раскрыв объятия, с улыбкой двинулся к Лене, стоявшей у стойки бара: приве-е-ет! Но Лена отвернулась, бросив через плечо:

— С оккупантами не общаюсь!

В первую секунду Алексей еще был уверен, что это не очень удачная шутка, но вдруг ясно понял: нет, не шутка. В замешательстве он потоптался на месте, посмотрел по сторонам — сидевшие за столиками пилоты потупили глаза — и вышел из бара.

— Ты не обращай на нее внимания, — смущенно улыбаясь, попросил тогда узнавший о том, что произошло, Сергей. — Она, видишь ли, из Львова, все восприняла как... как бы...

— Да ладно, ясно, — махнул рукой Алексей, — а как же ты-то с ней?

— А мы об этом не говорим. И общих знакомых я сразу предупреждаю: говорите о чем хотите, только не об этом. В общем, кое-как притерлось...

Пройдет, подумал тогда Алексей, она же умная тетка, все поймет... Но нет, не прошло.

С тех пор, приезжая на гору, Алексей старался лишний раз в бар не заходить, чтобы не сталкиваться с Леной. А если все-таки сталкивался, оба делали вид, что ничего не было — ни дружбы, ни ссоры.

На горе по-прежнему: развеивался на ветру полосатый сачок-колдун, показывавший всем желающим направление и силу ветра, толпился народ у бара, беспорядочным городком раскинулся палаточный лагерь, тарахтел на взлетке дельталет. С недалекого аэродрома планерного клуба над Коклюком маленький красно-желтый самолетик «Вильга» тянул в небо длиннокрылый планер. Хотелось тут же достать из багажника рюкзак с парашютом, раскинуть его на склоне и взлететь. Ветер, однако, дул западный, а значит, не судьба. Ну, ничего, успокоил сам себя Алексей, впереди еще целый месяц — налетаешься...

Лены в баре не оказалось, и Алексей вздохнул с облегчением. Заказал себе щи, голубцы и, заняв столик у панорамного окна, принялся обедать, разглядывая знакомый пейзаж: полувысохшее соленое озеро посреди виноградников, темный Карадаг, домишки Коктебеля и синюю чашу морского залива. Глядя на ровные квадраты виноградников, улыбнулся, вспомнив, как однажды парашютеристка, приехавшая откуда-то с Урала, в первый день подошла к краю обрыва и, посмотрев вниз, на виноградники, воскликнула:

— О, у вас тут тоже картошку сажают!

С высоты двухсот метров виноградники и правда по незнанию можно было принять за картофельные посадки.

Здесь, над этими виноградниками, он и сам когда-то научился парить, понял, что такое настоящий свободный полет. Когда ты, влекомый плотным потоком, взмываешь над склоном и над сором и дрызгами повседневщины, когда этот пахнувший травами и морем поток выдувает из сознания все несущественное и ты слышишь только шелест крыла и легкое посвистывание строп. Конечно, с годами эти ощущения уже не так остры и сладки, но стали глубже, необходимее.

В первые свои приезды Алексей жил здесь, на горе, в палатке. Отчасти из экономии — его мастерская не приносила еще больших денег, но больше из-за нетерпения, нежелания тратить время на ежедневные переезды из Коктебеля. Заслышав за стеной палатки первые утренние голоса, он вскакивал, бежал в бар выпить кофе, а потом взваливал на плечо рюкзак с парашютом и — на склон...

Иногда в нелетную погоду Алексей уходил из шумного бара, пристраивался где-нибудь на склоне и отпускал мысли в свободный полет. Представлял себе, что было или могло быть здесь вот, над этой крутизной, тысячу, триста, сто лет назад.

Не было здесь ни асфальтового шоссе, ни арки над ним с зазывной надписью «Страна коньяков», ни высоковольтных линий по рыжим склонам, да и сам Коктебель прилепился к бухте крошечным пыльным, пропеченным солнцем, просоленным бризами поселком, а гора носила еще древнее татарское имя Узун-Сырт.

Жуков любил рассказывать, как однажды здесь снимали фильм о рыцарях, а он участвовал в массовке. Скакали на лошадях закованные в латы воины, вздымая пыль и высекая камешки, сверкали мечи, и свистели стрелы. Все это здесь на плоской желтой горе на фоне темного Карадага было очень красиво и очень естественно. Оператор и режиссер остались довольны. Только потом, когда фильм уже вышел в прокат, пилоты смеялись: за скачущими рыцарями, на заднем плане бодро развевался полосатый сачок «колдуна». Говорят, режиссер этот ляп заметил, но махнул рукой — сойдет за вымпел...

Алексею странно и весело было осознавать, что вот по этой самой кремнистой тропинке с колючей выжженной травой по бокам шли сто лет назад двое — полноватый живчик Волошин и худощавый, подтянутый Арцеулов. Поэт-художник и художник-авиатор — им было о чем поговорить. Замечательный рисовальщик Волошин, судя по всему, очень тонко чувствовал дикую красоту Прикоктебеля. Да и Арцеулов — внук Айвазовского, сам хотел стать художником и наверняка стал бы, если бы не авиация.

О чем беседовали они в тот час, что обсуждали, когда Волошин решил показать приятелю «фокус»: широким жестом он запустил свою шляпу над обрывом, а та, вместо того чтобы упасть вниз, взмыла, подхваченная плотным бризом, и летела как ни в чем не бывало, порхая вдоль склона.

Алексей словно наяву видел и эту парочку, и ту самую шляпу, что парила и витала во-о-н над теми виноградниками, прежде чем шлепнулась в горячую крымскую пыль. Шляпа — предтеча русского планеризма... Говорят, теперь этой шляпе собираются соорудить памятник.

Красивая это легенда — про шляпу — или реальный случай, сейчас уже никто достоверно не знает. Однако когда выяснилось, что ветер, упираясь в длинный изогнутый склон, образует здесь постоянные и достаточно плотные восходящие потоки, которые позволяют планерам парить по несколько часов кряду, место это быстро превратилось в Мекку планеризма. Говорят, что в мире существует всего только одна гора с похожими условиями — Харрис-Хилл в США.

Как бы там ни было, а именно здесь, на горе Узун-Сырт, переименованной позже в честь погибшего планериста Клементьева, Арцеулов начал конструировать свои летательные аппараты...

Алексей даже слегка завидовал тем людям и тем временам, когда все только начиналось и все — впереди. Впрочем, и Волошина, и Арцеулова нелегкие ждали времена: революция, Гражданская война, мучительный выбор — с кем ты? Про Волошина говорили, будто он при красных спасал белых, при белых — прятал красных. В биографии Арцеулова тоже много неясностей... А он сам, Алексей, за кем бы пошел? Попробуй определись... Хм, лет сорок назад, пожалуй, предпочел бы красных; не зря же подростком с упоением «болел» за «Неуловимых». В девяностые, начитавшись о зверствах Белы Куна и Землячки здесь вот, в Крыму, стал сочувствовать белым. А сегодня?

Солнце нацелилось на темнеющий хребет Агармыша, когда Алексей вспомнил, что ему еще заезжать в магазин, на заправку, ставить палатку, обустроить бивак в Тихой, и он, забравшись в кабину Махи, тронулся вниз. Свернув в сторону коньячного завода, а затем еще раз в сторону горы Волошина, повел машину по ущербным колеям к перевалу. Слева уходил к светлому еще небу рыжий, выгоревший за лето склон, спра-

ва на фоне морской дали торчал силуэт пограничной вышки. Переваливаясь на ухабах и стреляя из-под колес щебенкой, «маха» выкатила на небольшое плато. Алексей свернул на обочину и остановился. Он встал на краю откоса и окинул взглядом окрестности. Прямо перед ним слегка изогнулся ящерицей ломаный хребет Хамелеона, правее, за Хамелеоном, залив, вдоль берега которого готовился к последним вечерним тусовкам на променаде Коктебель, а слева полукольцом раскинулась бухта Тихая.

ТИХАЯ

Тихую он открыл для себя случайно. Жуков повез компанию на тамошнюю невысокую горку, и Алексей из любопытства отправился с ним. Летать здесь ему не понравилось: горка небольшая, пилотов много — каша. А вот море — да. И море, и пляж оказались замечательными. Серо-рыжий откос Хамелеона, серо-зеленые кустарники вдоль берега, потеки «целебной» синей глины на обрывах и светло-желтая песчаная полоса вдоль линии прибоя.

На пике сезона здесь, конечно, тоже многовато пляжников, а все же не так много, как в самом Коктебеле. А сейчас, в конце сентября, на весь берег — не больше десятка палаток.

Алексей радостно присвистнул, увидев, что прошлогоднее место его стоянки не занято.

Какое же это удовольствие — ставить бивак. Для понимающих, конечно. Не торопясь разгрузить авто, ровнять место под палатку, ставить ее, родимую, так, чтобы ни одной морщинки на полотнищах, входом к морю, «спиной» к обрыву. Сооружать из камней очаг, собирать складной мангал, столик и кресла, оборудовать кухню — плитку сюда, запас воды сюда, консервы в коробке под навес... Надувной матрас, спальный мешок, сумка с посудой, сумка с вещами. Рюкзак с парашютом останется в багажнике.

А солнце тем временем скрылось, и над горизонтом проявился на полотне сочной темно-синей гуаши тоненький серпик месяца. И побежала по тихой воде рябая серебристая дорожка.

Перед тем как прогуляться по берегу, Алексей прилег на минутку на туго накачанный матрас, прикрыл веки и тут же уснул...

Утром, зайдя по колена в море, он плеснул в лицо прохладной водой, сгоняя остатки сна, и, прихватив бинокль, побежал на горюшку, с которой просматривалась Кле-муха. Уже приближаясь к вершине, он догадался: полетов не будет. И точно: воздух был неподвижен и горяч, над кромкой дальней горы не плавало ни одного купола. Только слышался стрекот дельталета, неспешно ползущего по утреннему небосклону в сторону Карадага.

Ну что ж, почти не огорчился Алексей, будем плавать.

Море спокойно облизывало сероватый песок, выплевывая временами всякую дребедень, сверкало под сентябрьскими лучами солнца холодноватыми чешуйками, но все еще было теплым.

Маска, ласты, трубка, мешочек для возможных сокровищ, и все земное оставим земле, тут иная жизнь, иное время, иные мысли. Другое измерение, словом... Оно конечно, подводные глубины Прикоктебеля — это не шикарное Красное море, однако же...

Сидя в прогретом солнцем кресле и наслаждаясь теплом после долгого плавания, Алексей поймал себя на мысли, что уже второй день не вспоминает ни о Наташе, ни о мастерской. Но вот вспомнил, и сразу словно мешок с камнями на плечи навалился.

Ведь обещал же себе — не думать, не вспоминать, бросить все как есть, просто летать и плавать, летать и плавать. Но мысли — не книжка, не захлопнешь, когда захочется.

И почему так бывает на свете: любят человеки друг друга, точно любят, а жить вместе не могут. Вот почему, спрашивается...

Что сейчас делает Наташа? А что если бы она сидела сейчас рядом в таком же кресле (пока оно за ненадобностью лежало в багажнике «махи»), о чем бы они стали говорить? Неужели ссорились бы?

Все пройдет, в который раз убеждал себя Алексей и на какое-то время начинал верить в это; все пройдет, рано или поздно появится другая Наташа, лучше прежней, которая будет подходить ему, а он будет подходить ей. Ну, пусть ее будут звать Ира или Таня, а может быть, вообще Эльвира. Не в этом суть. Бездна надежных ситуаций не бывает. Просто должно пройти время. Время лечит, не зря говорят.

И никто ни под кого не должен подстраиваться. Твоя жизнь — это твоя жизнь. Другой не будет, а Наташ сколько угодно. Тоска вроде бы потихоньку уходила. Но ненадолго.

И как это все подкатилось одно к одному: и жена изменила, и с делом жизни проблемы. Когда с ним впервые завели разговор о продаже мастерской, Алексей беспечно посмеялся — с чего бы это ему отдавать бизнес, который он построил в одиночку своими руками с нуля. Но, как оказалось, напрасно посмеялся. Понял, что все серьезно, когда «переговорщики» прямо ему сказали, что в приобретении мастерской заинтересован сам Карандаш.

Вообще-то, фамилия мэра их небольшого городка была Лимитров, но местные журналисты как-то раскопали информацию о том, что фамилию эту он взял по жене, взамен прежней — Карандашкин. Ну и, естественно, прозвище Карандаш тут же прилепилось к не очень-то любимому в народе мэру. Был он пришлым, традиций старинного городка не знал и знать не хотел, удачно вписывался в образ «успешного менеджера», умел угодить вышестоящим, подмял под себя местное отделение главной партии и очень комфортно себя чувствовал.

Когда Карандаш понял, что договориться с Алексеем не удастся, в ход пошли средства, к которым в их городе никто не прибегал со времен безбашенных девяностых. Правда, две попытки поджога мастерской не удались, как ничем кончились и попытки надавить физически, но всегда найдутся средства психологического давления. Алексей не удивился бы, что Наташина измена тоже срежиссирована подручными Карандаша. Но нет, с Наташей все было проще и, может быть, от этого еще больше. Видимо, ниточка, которой судьба связала их когда-то, со временем поистерлась. Может быть, отчасти он и сам виноват в этом — работа, работа, работа... Его работа давала им безбедную жизнь и... отнимала, отняла что-то более важное.

Конечно, в конце концов Карандаш не мытьем, так катаньем сумеет его разорить, но он, Алексей, готов пойти ко дну, как «Варяг» с гордо поднятым флагом: погибаю, но не сдаюсь! Руки-ноги есть, голова на месте — не пропадем... И все же что-то беспокоило его в происходящем. Нет, не возможная потеря бизнеса, не возможная даже гибель от ножа «случайного» хулигана... Он постепенно понял, что да, Карандаш — сволочь и бандит в костюме и галстук, и не хочется сдаваться такому вот, но ведь на дело можно, а может быть, даже нужно посмотреть и с другой стороны. Не засиделся ли он в тишине и довольстве, не толкает ли его судьба на другую дорогу, на иной и более интересный путь, а он не понимает и потому не принимает подарка. А ведь честно

признаться, он уже не первый год чувствовал, что ни он мастерской не нужен, ни мастерская не приносит ему прежней радости. Все встало на рельсы и катилось вперед помимо его воли. Ему, по большому счету, и делать-то было нечего. Рантье. Есть мастера, есть бухгалтер, есть человек, отвечающий за работу с клиентами... Расширять производство Алексей не хотел. Он еще до наезда на бизнес понемногу привыкал к мысли, что ему хочется чего-то нового, хочется вновь замутить что-то с нуля. Да и последние условия сделки от Карандаша были, если честно, весьма выгодными.

Нужно сознаться себе, думал Алексей, что упрямство, с которым он держался за бизнес, объяснялось скорее гордостью, чем трезвым расчетом. Или гордыней?

Побродив по берегу, перезнакомился с соседями. Москвичи (их Алексей, правда, недолюбливал, но эти — хипповатая немолодая пара — кажется, ничего), компания виндсерфингистов из Новосибирска, трое из Воронежа, парочка влюбленных из Костромы... Чем еще привлекала его Тихая — так это народом, который прибывался сюда и бывал тут из года в год. Романтики, или отшельники, или просто не любящие курортной толкотни тихие созерцатели. Тут не шумели, не скандалили, не воровали, можно оставить палатку на день, на два, и ничего не пропадет. Одни привозили с собой парусные доски, другие — рыболовные снасти или подводные ружья, кто-то бродил по окрестностям с мольбертом. Были и такие, что целыми днями валялись на песке, смотрели на море, порой засыпая и обгорая до волдырей. В общем, разный люд, но в целом неконфликтный и местами интеллигентный.

С годами Тихая стала для него местом душевного восстановления, залечивания ран, насущной необходимостью.

...Не спалось. Сквозь москитную сетку поблескивало лунными бликами море, черным силуэтом врезался в звездную россыпь Хамелеон. Алексей ворочался в спальнике, то укутываясь в него, то распахиваясь, подставляя грудь морской прохладе. Ночь наплывала пряными волнами, свиристела цикадами, уволакивала в зеленватые глубины, в которых никак не отыскать того, что непременно нужно найти. Лишь под утро на последних каплях кислорода в легких он увидел сквозь бурые водоросли изумительной красоты раковину, но едва протянул руку, как из водорослей выплыл толстобрюхий длинноволосый Нептун. Грозно сдвинув лохматые брови, морской бог нацелил на него свой трезубец. Алексей, замирая от собственной дерзости, показал ему язык. Нептун свирепо швырнул в него свое оружие, и оно со скрипом вонзилось в заросшую водорослями корягу. С испугу Алексей выпустил остатки воздуха и рванул вверх...

За стенкой палатки шелестел прибой. Солнце едва выползло из дымки на горизонте, но было понятно, что день предстоит теплый и ясный. Быстро бросив все необходимое в сумку, Алексей отправился на гору Волошина. На сегодня было намечено исполнение ежегодного ритуала. Если положить «жертву» — голыш, монетку или еще что-то — на могилу писателя и загадать желание, оно непременно сбудется. Алексей и монетку — старый советский пятак — приготовил еще с вечера. У могилы было пусто. Отдышавшись после подъема, Алексей бросил монетку на плоское надгробие, но она покатилась и упала на землю. Подняв пятак, снова положил ее на холодный камень и повернулся было к Тихой, чтобы загадать желание, но услышал легкий звон. Обернулся — монетка каким-то совершенно непостижимым образом опять скатилась на землю. Алексей присел на корточки, положил монету прямо в центр надгробия, убедился, что пятак недвижимо лежит, где положен, и загадал желание...

Днем в Тихую приехала компания с Клемухи. Остановились в лагере Алексея. Вдоволь набарахтавшись, разлеглись у палатки. Все были в благостном, слегка разморенном

состоянии, вяло перебрасывались репликами по поводу погоды. Неожиданно Славик — один из подручных Сереги Жукова — резво вскочил и выловил в суховатом клочке прибрежной травы большого зеленого богомола. Он подносил его к глазам девчонок, и те слегка повизгивали, когда богомол угрожающе шевелил передними зубчатыми лапками.

Славик был красивый, хорошо сложенный парень — оливковые глаза, густая копна черных волос, загорелая кожа. Девчонки липли к нему, словно мухи к меду, но отчего-то быстро отлипали. Говорил он охотно только о деньгах и о своем блестящем будущем. Как сказала о нем одна из девчонок-пилотов, раскрывал бы он пореже рот — цены бы ему не было. Чем-то раздражал он и Алексея.

— А знаете, что если богомолу оторвать голову, то он еще долго будет жить? — спросил Славик девушек, когда первое впечатление поутихло. — Вот мы сейчас проведем эксперимент.

— Славик, оставь животное в покое, — попросила Катя — красивая двадцатилетняя спортсменка их Харькова.

Славик насмешливо фыркнул:

— Да ладно тебе, он же насекомый!

— Сам ты, Славик, насекомый. Даже хуже. Отпусти его!

Все знали, что Славик уже не первый сезон подбивает клинья к Кате. Но та, клюнувшая было на южную смазливость Славика, потом жестко его отшила.

— Не командуй, — бросил он в ответ, — мой богомол, что хочу, то и делаю!

Алексей неожиданно для себя вмешался:

— Славик, продай его мне.

— А сколько дашь? — оживился парень. — Пятьсот рублей дашь?

— Двести дам, — лениво процедил Алексей.

— Двести пятьдесят!

— Заметано. Давай его сюда.

Получая из рук Алексея деньги, Славик, видимо, сообразил, что в глазах компании, в общем-то, остался в проигрыше. Он вернул деньги и, пробормотав, что пошутил, побежал к воде...

— Смотрите, смотрите, — крикнул кто-то, — летающий матрас!

Вся компания повернулась на голос. Действительно, вдоль серой гряды Хамелеона летел большой двухместный надувной матрас. Видимо, порыв ветра поднял его с песка, и он попал в динамик набирающего силу бриза. Матрас то парил, царапая бок обрыва, готовый вот-вот сорваться вниз, то вдруг вновь взмывал вверх. Хозяин матраса бежал вдоль кромки воды, надеясь, что собственность вернется, но матрас забирался все выше. Весь пляж, задрав головы, следил за его эволюциями до тех пор, пока черный прямоугольник не взмыл над гребнем Хамелеона и не исчез из вида.

— Тут все летает, — меланхолично произнес кто-то из парашютистов, — такое уж тут небо.

НЕБО

Научиться лететь не так уж и трудно. Нет, правда — почти так же просто, как ездить на велосипеде. Серьезно. Садись впервые на велик, и начинается мучение: руль не слушается, колесо подворачивается, все норовишь либо завалиться на бок, либо влететь в крапиву. А через пару месяцев уже рассекаешь по шоссе и удивляешься, как это не уметь кататься на велосипеде; чего тут уметь-то?

Новичков — на Клемухе их порой называют «учлетами» — ставят на крыло ближе к вечеру, когда термичка маловероятна, а динамик плотен, но спокоен. Но и тут бывает всякое. Алексей любит рассказать в кругу пилотов, как однажды его учитель Вася запустил первый раз в самостоятельный полет его же друга Витю.

Был тихий спокойный вечер с уже слабеющим динамиком, Вите нужно было поднять купол, оторваться от склона и, сделав два-три галса, приземлиться внизу.

Но едва Витя поднялся над склоном, как тут же «словил» непонятно откуда взявшийся мощный термик и ушел вверх метров на шестьсот. Вася беспокойно ходил по склону, прислонив ладонь к глазам, и меланхолично спрашивал сам себя:

— Как же он садиться будет, он же не умеет...

Когда в Васином кармане зазвонил телефон, он собрался было дать отбой, но вовремя сообразил, что звонок как раз от витающего в облаках Вити.

— Вася, как садиться-то? — довольно невозмутимо вопрошал тот.

Смеялись, конечно, долго, но уже после того, как Витя под чутким Васиным руководством приземлился на склоне...

Конечно, параплан — не велосипед, штука более тонкая и в прямом, и в переносном смысле, да и упадешь, если что, не с метровой высоты; но, по большому счету, все-таки научиться летать довольно просто.

Собираясь на полеты и бросая в багажник рюкзак с парапланом, Алексей каждый раз думал об этом.

Что заставляет человека хотеть того, что не дано ему природой? Плавать под водой, карабкаться на отвесные скалы и ледяные недоступные вершины, летать... И рисковать при этом собственной жизнью. Единственной.

Каждый раз, подняв над головой крыло параплана, оторвавшись от склона и взмывая в восходящем потоке, Алексей испытывал и восторг, и умиротворение, но все же поневоле думал: как этот полет закончится?

Под тобой пропасть, над головой тряпочка с тонкими стропами, а вокруг — безбрежный зыбкий океан со своими, порой жестокими, законами. И ты совсем не из этой стихии.

Однажды на глазах у Алексея пилота затянуло в смерч, купол трепался жалкой тряпкой, запаска не раскрылась, и крохотная фигурка с километровой высоты неслась вниз. Крыло параплана раскрылось и остановило падение метрах в пятидесяти от земли. Неизвестно, кто испугался больше — пилот или те, кто наблюдал за ним с земли. В другой раз парапланериста занесло на высоковольтку. Искры, треща, как петарды, сыпались, словно новогодний салют. Пилот мог погибнуть трижды. Его могло убить током, он мог разбиться, упав с большой высоты, когда стропы, на которых он повис, перегорели. Он, потеряв сознание от удара о землю, мог сгореть в пожаре, возникшем из-за искр, воспламенивших сухую траву. Но выжил. Со сломанной лодыжкой его вынесли из огня практически в последний момент. На следующий день он прыгал по стартовой площадке с гипсовой блямбой на ступне и клячил у инструктора параплан. Не сказать, чтобы такое бывает часто. Наверное, ЧП в небе случается много реже, чем на шоссе, где катастрофы бывают ужасны... И все же...

Иногда Алексей представлял себе, как его бело-желтое крыло попадает в зону турбулентности, купол складывается, бросить запаску он не успевает и... И все же снова и снова брал параплан и выезжал на полеты. Почему? Что же заставляет человека идти на риск? А то, что риск вполне реален, Алексей испытал на себе. Странно, но та история никак не отразилась на его тяге к небу...

...В тот день параплан остался дома; Алексей поехал на небольшой аэродром близ города, где тусовались его друзья-пилоты, и полетел вторым пилотом на дельталете. Дельталет — это такая моторная козявка с дельтапланерным крылом и двухместной люлькой вроде мотоциклетной коляски. С утра в округе грохотала гроза, но к тому времени, когда он приехал на аэродром, который три десятка лет назад служил взлеткой для «кукурузников» сельхозавиации, черные тучи ушли на юг и посверкивали зарницами где-то над Мордовским заповедником.

РП — руководитель полетов — главный человек на аэродроме, дал добро на вылет, треща мотором, двухместная «букашка», едва разогнавшись, взмыла в небо и легла на маршрут.

Хорошо лететь на высоте в сто—двести метров над землей, рассматривать неровные лоскуты полей и зеленые заборчики лесопосадок вдоль серых лент шоссе, купины ив около зеркал прудов и речушек, турецкими ятаганами блестящих под летним солнцем.

Первый пилот — Саша Петров, — поглядывая по сторонам, легонько двигал трапецией, заставлял тархтящую «букашку» лететь на нужной высоте и в нужном направлении. Полет был долгим, воздух недвижим, треск двигателя ровно-однообразен.

Вон справа сияют купола Дивеева, прямо — белыми кусочками рафинада рассыпаны многоэтажки ядерного Сарова, уже не секретного, но все еще закрытого. Впереди — Кременки, где потерпела сокрушительное поражение Алена Арзамасская, русская Жанна д'Арк, дальше — Суворово (говорят, именно здесь останавливалось немногочисленное войско Александра Суворова, пробирающееся на восток, на борьбу с мятежным Пугачевым), дальше Рогожка, родовая усадьба Карамзиных...

Из омута воспоминаний Алексея извлек толчок локтя первого пилота:

— Смотри, — перекричал он свист ветра и рев мотора, — твое село!

И правда, внизу показался дом, в котором Алексей когда-то родился, и фигурки в саду. Фигурки подняли к небу лица и принялись махать руками. И он помахал им...

Потом прошли дальнюю точку маршрута и развернулись в сторону аэродрома. И снова — разноцветные поля и сочные луговины, церквушки елочными игрушками и игрушечные же деревеньки, муравьями рыбаки на берегу пруда, дороги, ярко-зеленые березы вдоль них. А впереди — четкий горизонт, клонящееся к закату красное солнце, яркое, словно щедрым живописцем намалеванное, синющее небо и перерезающая его иссиня-черная полоса дальней тучи. Какая красота, Боже...

И тут дельталет словно воткнулся в ватную стену. И остановился. Это туча была далеко, а ее предгрозовой фронт, фронт нестабильности, остановил их за пару километров до аэродрома. Потом было несколько ударов; словно огромный небесный бык принялся лягать легкую машинку. Удар — и дельталет подбросило на несколько десятков метров вверх, еще удар — и он проваливается вбок. Еще удар, еще... И дельталет, застыв на секунду, клюнул носом и обрушился камнем навстречу зеленой-презеленой траве.

Так вот как все кончится, подумал Алексей. Было совсем не страшно. Печально было. Как же теперь без нас...

Время невероятно замедлилось, и сознание словно разделилось надвое. Одна часть успела лихорадочно передумать массу вещей, а другая спокойно наблюдала за происходящим; и Алексей сам поразился, осознав, что восхищается пейзажем: стройные свечи берез, четкие предвечерние уже длинные тени от них по изумрудному полю и солнце под черной бахромой тучи. Эх, как жаль, что никогда уже не написать эту картину!

Как все это вместились в секунды падения, было выше понимания. Сколько бы он потом ни думал о тех секундах, не мог решить, действительно ли он это пережил, или

«воспоминания» появились уже позднее. Потом, значительно позже, он вспомнил рассказ деда о том, как тот попал в плен. В их землянку через отдушину немец бросил гранату, и дед утверждал, что ясно помнит, как граната медленно, очень медленно летела от отдушины к полу, потом так же медленно стала огненным цветком раскрываться, разлетаясь на части. Деду повезло, он отделался контузией.

Казалось, что время застыло, но земля налетела стремительно. Сто метров падения — смерть неизбежна.

Дельталет со всего маху ударился колесом и носом капота оземь, Алексей ясно увидел, как в лицо полетели трава и комья земли, и зажмурился. Кувырок, еще удар! Открыв глаза и даже не понимая, терял ли сознание, увидел, понял, что лежит на спине на крыле, крыло выгибается на небольшое дерево, с которого еще сыплется всякий сор: веточки, листики... Огромное удивление накатило волной — выжил?! Как же так?! Однако дышать трудно, отстегнул ремень — полегче; снял шлем. Все болит, но на удивление терпимо. Где Петров? У самой щеки почти на плече нога в массивном ботинке. Первая мысль: Саша под крылом, а ногой он это крыло пробил. И вдруг одновременно тянущая боль в бедре и — ботинок — это же его, Алексея, ботинок, как, впрочем, и нога! Вот досада — бедро сломал! Аккуратно взяв ногу, Алексей развернул ее, как положено; она неестественно завалилась, и он поправил ее, чтобы лежала параллельно здоровой. Петров был без сознания, но как только Алексей окликнул его, сразу отозвался. Ну, потом все пошло буднично: по сотовому связались с РП, подбежали с дороги случайные водители, помогли перенести в подъехавшую из Дивеева «скорую». Потом промедол, рентген; потом уже городская «скорая», морфин, снова рентген. Смутно, словно во сне, Алексей удивленно смотрел, как молодой доктор дрелью просверлил ему голень под коленкой, вдел штырь. На этот штырь повесили пятикилограммовую растяжку, отвезли в палату, и под утро Алексей наконец заснул отчего-то совершенно счастливый...

Люди летают по-разному. Какова сущность человека — так он и летает.

Алексей не гнался за рекордами и высшим пилотажем. В сентябрьском ежегодном Кубке Коктебеля поучаствовал пару раз и перестал. Ни скорости, ни каких-то акробатических кульбитов ему не хотелось. Наоборот, пленяла та безмятежность, которую дарили предзакатные спокойные часы, когда небо над дальним Агармышем начинало наливать розовым, потом красным, а сам Агармыш темнел и постепенно становился аспидно-черным. Недаром греки верили, что именно за этой плавающей в алых закатных сполохах горой зияет вход в страшный Аид. Полетать там Алексею довелось всего один раз, и особого удовольствия он не получил. Стартовая площадка крохотная, внизу кустарник и длинноиглые крымские сосны. Случись экстренная посадка, из этих кустов полдня параплан выпутывать придется. Другое дело — прибрежные «Погранцы» над Коктебелем, горка хоть и невысокая, но хороший, удобный для старта склон. Тут, под этой пограничной вышкой, Серега Жуков учил его парить. Дул несильный, но плотный бриз — самое то для неопытного новичка. Серега ходил с рацией по пляжу под горой и командовал:

— Подтяни клеванты... Легче, легче, почувствуй момент, когда тебя назад не сносит и вперед не уходишь. Теперь иди вдоль склона... По сторонам посматривай, ты тут не один...

Искаженный мембранами голос придавал уверенности, и Алексей начинал понимать параплан, чувствовать его движение, чувствовать воздушный поток. Холодок страха в груди истекал, а его место заполнял восторг: парю, парю!

Взлетая с каждым разом все свободнее и увереннее, Алексей обратил внимание, что другие пилоты, поднявшись над склоном, уходят влево и кружатся там разноцветной каруселью.

— Что это они все туда? — спросил он у Жукова.

— А ты слетай и посмотри, — со смешком в голосе прозвучало в наушниках в ответ. — Только аккуратнее, смотри, в какую сторону все спиралят.

Влившись в общий хоровод, Алексей сразу все понял: внизу среди палаток и пляжных зонтиков загорали голые девушки. Вот в чем дело — нудистский пляж.

Однажды с этого пляжа на стартовую площадку прибежала в чем мать родила симпатичная девчушка лет двадцати; попросила Жукова покатать ее. Жуков согласился, но потребовал, чтобы она надела хоть что-нибудь. Ага, согласилась девчушка и через пару минут вернулась, одетая в стринги и сланцы...

Здесь, стартовав с этого относительно невысокого обрыва, если тянет плотный и ровный бриз, можно безмятежно болтаться над пляжем часами. А потом, с последними дуновениями ветра спустившись на склон, а то и прямо на пляж, сложив аппарат в рюкзак и бросив его в багажник, хорошо отправиться вдоль моря в вечерний Коктебель.

КОКТЕБЕЛЬ

Как же хорошо в Коктебеле в конце сентября. Нет летней толкотни и суеты, не давит сухая пыльная жара, но еще вовсю можно купаться и загорать, а бродить по окрестным горкам и бухтам — одно удовольствие. И если у тебя на душе осень и тебе хочется покоя и отдохновения, то лучшую осень, чем крымская, — терпкую, горьковато-сладкую, но небезнадёжную, — ты вряд ли отыщешь.

Днем Коктебель расслабленно дремлет в зыбкой жаре, а когда солнце уйдет за Карадаг и сумерки вползут в поселок, явятся на променады его постоянные персонажи: отдыхающие, торгующие и развлекающие. Бабки с креветками и ароматнейшей выпечкой, продавцы курортных безделушек и пиццы, профессиональные и самодеятельные музыканты и художники. Часов в десять на одной из площадок набережной располагался перуанец из Киева — Педро со своими флейтами. Сергей Жуков утверждал, что перуанец — настоящий перуанец, преподает в каком-то вузе. Дождавшись любимой «Эль кондор пассо», Алексей бросал в перуанскую шляпу денежку и шел дальше; там, где набережная кончалась и начинался пляж, ближе к полуночи начинали действо рок-музыканты, съезжавшиеся со всех концов бывшего СССР.

С каждым годом поселок становился все многолюднее и оживленнее. Правда, Алексею было жалко прежнего Коктебеля. Впервые попав сюда, когда поселок носил еще имя Планерское, он поначалу был слегка разочарован: серое бедное местечко под Карадагом трудно было назвать курортом. Чахлые деревца, советской постройки санаторные корпуса, хиленький рынок... Куда более respectable считался соседний Судак, в дома отдыха и санаторий которого любили ездить жители из его города. Однако вскоре он не понял даже, а почувствовал, что тянуло сюда людей творческих, понимающих толк в минималистической красоте природы этого крымского уголка. «Алые паруса», Грин, Волошин, Ходасевич, веселая и фрондирующая тусовка молодых шестидесятников, упрямый интеллигентский шик называть Планерское Коктебелем...

Впрочем, Коктебель времен съемки «Алых парусов» и Аксенова уже давно исчез, теперь это совсем другой поселок, застроенный многочисленными отелями, хостелами, домами отдыха, ресторанами, с аквапарком и всевозможными развлечениями, включая стриптиз...

И все же осталось здесь, в долинке между Карадагом и Хамелеоном, нечто такое, что по-прежнему влечет романтиков или считающих себя романтиками. Алексей лю-

бил наблюдать длинными вечерами, переходящими в бессонные ночи, за неприкаянно бродящими по променаду, доживающими свой век пожилыми хиппи, подчеркнута неряшливо одетыми мальчиками и девочками с гитарами, голенастыми некрасивыми туристками в незаметных шортах, жадно и почти безнадежно выискивающими пару, за местными, ежеминутно и на всем — розах, ракушках, креветках, вине, чебуреках — старающимися заработать на этой праздной толпе, чтобы было на что пережить сырую малолюдную зиму.

Здесь пахло морем, едой, травами, дорогими духами и потом. За все свои приезды Алексей всего однажды стал свидетелем скандала, переросшего даже в драку. Перебравший дешевого вина парень в дорогих драных джинсах и такой же драной и дорогой майке вдруг принялся скандалить, матерно орать и задирает прохожих. Толпа осторожно обтекала его, но он не унимался, а когда схватил за руку проходившую мимо девушку и Алексей попробовал его успокоить, полез в драку. Пришлось вспомнить давние занятия в секции бокса. Потерявшего сознание дебошира усадили на траву возле санаторного заборчика, а Алексей весь вечер гулял с девушкой. На следующий день, впрочем, они не встретились...

Днем Алексей обязательно ходил на рынок, ему нравился неровный гул голосов («Дама, дама, шо ви думаете, это ж не сало, это ж амброзия!»), нравилась пряная мешанина терпких ароматов, мешавшихся в невообразимый букет. Перед отъездом домой всегда покупал две-три пластиковых «полторашки» домашнего вина. Про это терпкое густое вино поговаривали, что делают его из краденного на винзаводе сырья и добавляют всякую ерунду, вплоть до аспирина. Но ему это вино нравилось, и он, махнув рукой на разговоры, перепробовав товар едва ли не у каждого продавца, выбирал себе красное полусладкое и сухое, предвкушая, как зимними вечерами будет смотреть видео и потягивать винцо, вспоминая лето. Коньяком, однако, предпочитал затариваться в фирменном магазинчике у коньячного завода...

Время от времени Алексей ходил из Тихой в Коктебель и обратно в Тихую пешком. Ему нравилось не торопясь брести то по сухим травянистым склонам, пропахшим чабрецом, то по песчаному или галечному пляжу, то по узкой тропинке вдоль высокой стены двухметрового тростника. Он отпускал свои мысли, и они уносили его в прошлое, нагадывали будущее, то веселили, то печалили. Особенно хорошо было ночью. В средней полосе редко увидишь такую прорву звезд; кажется, видишь даже самые далекие, которые только в телескоп и можно увидеть, а как густо и ярко течет по небесной сфере Млечный Путь! С хребтины Хамелеона удивительно было смотреть, как, словно отражение звездного неба, светятся в темной лощине огни затихающего Коктебеля...

...Море бесновалось — не поплаваешь, ветер дул «неправильный», в Коктебеле утром делать абсолютно нечего, и Алексей поехал на гору, но не к парапланерному бару, а дальше — на планерный аэродром. Он давно уже хотел полетать на планере, но все как-то не случалось. Так почему бы не сейчас.

Разбитая дорога привела его к сетчатому забору и распахнутым воротам аэродрома.

В сумрачном ангаре нашел пилота. Поговорили... Пилот, как потом выяснилось, мастер-планерист международного класса, узнав, что Алексей — парапланерист, признался:

— Меня просто жуть берет, как это вы на таких тряпочках-ниточках летаете. Я бы под страхом расстрела не согласился!

Через полчаса Алексей уже сидел в тесной кабине планера и слушал наставления пилота. Впрочем, наставление заключалось в одном предложении:

— Если я откину фонарь и крикну: прыгай, — моментально прыгай, без никаких вопросов! Ясно?

«Вильга» затащила планер на высоту полутора километров, и по легкому толчку Алексей почувствовал, что пилот отцепил трос. Планер начал свободный полет. Как и ожидалось, ощущения от полета на планере совсем не походили на то, что чувствует парапланерист. Главное отличие — скорость.

— Ну что, покувыркаемся? — раздался слегка искаженный голос пилота в наушниках. — Если что, сразу говори, перестану.

И не дожидаясь ответа, заложил крутейший вираж. Горизонт резко завалился набок, потом ушел под ноги. Бочка, подумал Алексей.

— Бочка, — раздалось в наушниках.

— Мертвую петлю сделаем? — попросил Алексей в микрофон.

— Запросто! — ответил пилот и направил планер в крутую горку, а потом резко вверх, и вот уже небо и земля поменялись местами. — Следи за ручкой управления и скоростью, — услышал он в наушниках, — следующую сам сделаешь!

«Как сам?!» — хотел спросить Алексей, но не спросил — уставился на приборную панель и прикоснулся пальцами к ручке управления, плавающей перед ним. А пилот сначала выровнял аппарат в горизонтальный полет, а затем вновь бросил его вниз, набирая скорость. Алексей смотрел на спидометр, стараясь заметить, на какой скорости пилот возьмет ручку на себя.

Когда пришел черед новой петли, Алексей взял ручку управления, и, к его удивлению, у него все получилось. Небо и земля поменялись местами, планер слегка завис в высшей точке петли, а потом плавно вернулся в исходное положение.

— Самая простая фигура! — услышал он в наушниках голос пилота. — А вот самая сложная, — и планер ушел в такой крутой штопор, что Алексей совсем потерял ориентиры и не сразу смог понять, где они летят, когда планер закончил фигуру. И только поймав взглядом синий лоскут моря за рыжим холмом, понял, что планер, медленно снижаясь, идет к аэродрому. В какой-то момент показалось, что аппарат не дотянет до взлетки и ткнется прямо в сетчатый забор. Но нет, длинные крылья пронесли их в паре метров над ограждением, и планер еще долго мчался по-над взлетной полосой на высоте полуметра.

Потом они сидели на траве, пили чай из термоса, захваченного Алексеем, и «трепались за небо».

В голосе пилота сквозила грусть. И это было понятно: здесь была когда-то научно-исследовательская планерная база ЦАГИ — Центрального аэрогидродинамического института. Сейчас вроде как располагается центр планерного спорта, но от бывшего порядка и достатка не осталось и следа. Все постепенно приходит в упадок...

Алексей слушал и не слушал старого пилота, старался представить себе, как тут было в начале двадцатого века. Подумать только, вот здесь вставали на крыло и Антонов, и Яковлев, и сам Королев!

От аэродрома Алексей направился к противоположному концу Клемухи, туда, где на юру, на самых ветрах высился памятник планеристам. Здесь, правда, тоже все было не так. Когда-то на семиметровом постаменте, обитом серебристым дюралем, подставлял крылья бризу настоящий цельнометаллический рекордный планер А-13. Сегодня обшарпанный постамент венчала небольшая его модель.

Алексей присел на склон и долго смотрел на долину, на гору Волошина, на Коктебель и черный игрушечный силуэт пограничной вышки на фоне играющего серебряными бликами моря. Как же ему повезло, что все это появилось в его жизни: ветер и вода, воздух и море.

МОРЕ

Хорошо стоять у самой кромки прибоя, слушать мерный шелест набегающих волн и подставлять пропеченное солнцем лицо свежему бризу. Как же это здорово — ветер над водой! Две стихии, которые дают тебе понять: ты вольный человек. Когда-то в детстве Алексей попал в санаторий «Солнечный» в Евпатории. Учителем физкультуры там был бывший моряк-подводник. Алексей давно забыл его имя, но на всю жизнь запомнил слова, которые тот любил повторять: человек вышел из моря, море его дом, и бояться его не нужно. Человек может держаться на воде сколько угодно, утверждал подводник, нужно только правильно дышать и уметь отдыхать. И он учил их плавать, правильно дышать и отдыхать на плаву. С тех пор Алексей плавал везде и всегда при любой возможности. Плавал в разных морях, переплыл Волгу, Оку, Дон — в общем, все более или менее значимые речки или проливы, попадавшиеся ему на пути. Плавал не на скорость. Наоборот, любил плавание неспешное, когда можно думать о чем угодно, а не о самом плавании. Порой, преодолевая километр за километром в реке, озере или море, он, фантазируя, придумывал целые истории. А иногда просто вспоминал случившееся с ним, вновь переживая уже прожитое. Вот тут, над Тихой, однажды прямо среди летавших над горой парапланеристов, пролетела та самая украинская ракета, что сбила пассажирский самолет, летевший из Израиля. Парапланеристы, страшно напуганные ее ревом, посыпались вниз, и каждому казалось, что ракета промчалась в метре от него, хотя Алексей снизу видел, что серебристая сигара с белым хвостом прошла в стороне от Хамелеона.

Вспоминались поездки по окрестностям с Сергеем Жуковым. Вон смотри — это папа мадам Бродской, смеялся он, показывая на склон, действительно очень похожий на женскую попу. Почему мадам Бродской? Кто его знает...

А однажды на Клемуху пришел типичный новый русский с висящей на руке тощей моделькой и спросил, как бы покататься. Где тут у вас летальные аппараты?

А другой новый русский уговаривал мотоделтапланеристов прокатить его под высоковольтной ЛЭП. Ну, как Чкалов, понимаешь, нет? Кто-то, кажется, согласился...

Хорошо было, отплыв на километр-полтора от берега, перевернуться на спину и, раскинув «звездочкой» руки и ноги, расслабленно лежать, покачиваясь на упругой пологой волне. А потом снова натянуть на глаза маску и, ухватив зубами загубник трубки, парить над прозрачной бездной или над каменистыми мелководьями. Где в голубовато-зеленых сумерках, пронизанных солнечными стрелами, на серых глинистых плитах качаются густые джунгли зеленых, бурых, желтоватых водорослей. Зависаешь над подводными лесами, горами, распадками и гротами и через пять минут забываешь обо всем, что только что тревожило или занимало душу и сознание. Среди зарослей снует светливая рыбка мелочь, солидно проплывают косяки кефали, на песчаных пропелшинах, заметив пловца, в панике зарываются по самые выпученные, передвинутые безжалостной природой на одну сторону глаза камбалки. Солидные каменные крабы изумительной фиолетовой расцветки медлительно прячутся в расщелины, угрожающе выставив толстые клешни, а их мелкие песчаные собратья удирают быстро и панически, а если чувствуют, что не сбежать, зарываются в песок. В призрачной толще парят безмолвные привидения морей — красивые медузы, величиной то с тазик, то с пятак...

Завтра хорошая погода, думал он, разворачиваясь в сторону Хамелеона, завтра будем летать. Через Тихую наискосок пролетела стайка бакланов, где-то у горизонта звенела далекая моторка, над Карадагом было чисто — ни облачка.

Вечером он сидел перед палаткой, вышелушивал из мягких розовых панцирей креветок, запивал их пивом и смотрел на пологие волны, лизавшие остывающий песок. Отчего-то вспомнились город, мастерская, Наташа. И отчего так бывает — встречаются два человека и решают жить вместе. Любовь. А потом оказывается, что тебе нравится зимой и летом спать с открытой форточкой, а ей и летом мало двух одеял. Ты любишь рок, а она голимую попсу. Тебя тянет в лес, а ее в спа. Алексей вдруг вспомнил песенку, которую Наташа любила петь под гитару. В ней муж все время забывал закрыть тюбик с зубной пастой, и это очень раздражало жену. До такой степени, что они развелись. И ей стало очень грустно, но зато тюбик теперь лежал закрытый.

Почти стемнело, когда на берег набежал вдруг плотный бриз, заиграл полотнищами палаток, зашелестел кустарником, погнал по берегу песчаную поземку. Алексей встал у кромки воды, подставил лицо прохладному потоку, вздохнул полной грудью йодистый воздух. Море и ветер — главные лекари, неожиданно для себя подумал Алексей. Ветер и море...

...Утром дул ровный упругий бриз. Алексей быстро позавтракал, бросил в багажник «махи» комбинезон, флягу с водой, контейнер с перекусом и направился на гору. Народ уже торчал на старте южного склона. Один за другим разноцветные купола парашютов распускались над горой и взмывали в небо. Вскоре там уже плавала целая карусель. Алексей разложил на траве свое крыло, проверил стропы, не торопясь надел подвеску, застегнул шлем. Посмотрев по сторонам — не мешает ли кому, — потянул на себя брейки, поднял парашют над головой и оторвался от земли. В динамике он почти сразу зацепил термик и принялся крутить спираль, поднимаясь все выше и выше. Он делал спираль за спиралью и вдруг сообразил, что поднялся значительно выше остальных пилотов. Откуда он взялся, этот мощный столб восходящего потока, Алексей не сообразил, но вдруг почувствовал мощный рывок, словно лошадь копытом сдвинула под зад! Крыло парашюта закрутило и с невероятной скоростью потащило вверх к далекому, высокому и на первый взгляд безобидному облаку...

* * *

...Где он? Что с ним происходит? Сон? Что это там вдали? Вот родной дом в древнем городке, жаркое лето, каникулы. Вот он, Лешка, с двумя лучшими друзьями Колькой и Игорьком лезут на крышу огромного двухэтажного дровяного сарая. Да, тогда в тех новеньких финских домах стояли еще кухонные дровяные печки. Сарай почернел от дождей и снегов, серая, прокаленная солнцем толевая крыша липнет к голым ступням. Балансируя на коньке, Лешка привязывает к поясному ремню парашютные стропы. Он старается не думать о том, что скажет мать и что сделает отец, когда выяснится, что на парашют пошел сберегаемый матерью отрез дефицитной бязи. Друзья, цепляясь за рейки, удерживающие толь, как могут, растягивают белый купол. Лешка смотрит вниз, и ему становится очень страшно. Как, оказывается, это высоко! Но на него смотрят Колька с Игорьком — ну, что же ты! Он зажмуривает глаза и делает шаг.

Сильный удар о песчаную кучу звоном отдался в голове, лязгнули зубы, и боль волной прошла от копчика до затылка. Валясь на спину и теряя сознание, он увидел свесившиеся с крыши головы приятелей...

...Алексей очнулся, когда парашют вдруг основательно трянуло. Он не чувствовал ни рук, ни ног, но понял, что все еще дышит. Задубевшее жестяное крыло вдруг зашелестело, затрепетало, и с него мелким дразгом полетели, сверкая на солнце, тон-

кие пластинки льда. Заскорузлыми немymi пальцами Алексей попытался прихватить клеванты и оценить состояние парашюта, но сквозь смерзшиеся ресницы почти ничего не видел. Парашют, по-видимому, все же вывалился из потока и быстро терял высоту...

* * *

...Алексей лежал на спине в сухой траве на склоне холма и потихоньку приходил в себя. Он вдруг осознал, что слышит, как влажный еще парашют, запутавшийся строениями в низкорослом кизиле, тихо шелестит под легким ветерком, как шуршат листья орешника на краю поляны, как неведомая пичуга посвистывает в зарослях, а за зарослями шипят шинами машины, пролетая по невидимому отсюда шоссе.

Алексей лежал, смотрел на уходящую за горы темную тучу, из которой он только что чудом вывалился. Начали ныть обмороженные руки и ступни, но ему вдруг стало хорошо и покойно. Все будет как надо, думал он, будет так, как должно быть, правильно будет в конечном итоге. А мыслей бояться не надо. Наоборот, нужно думать и думать. Да, собственно, в общих чертах он уже кое-что надумал. Мастерскую он продаст. Это точно, но не Карандашу. Покупатели найдутся. Пусть даже не на таких выгодных условиях. С Натасшей поговорит, попробует понять, осталось ли в ней что-то, что связывало их столько лет. Осталось ли в нем? Пожалуй, осталось. Но если в ней — нет, цепляться не будет, лучше сразу... А чем заняться дальше — видно будет. Жизнь длинная, будет время разобраться и решить...

Он слушал шум вернувшейся жизни, оглядывал глубокое небо и, вновь переживая недавнюю свою несостоявшуюся гибель, размышлял о том, что с ним произошло и зачем. И только тут его накрыла мощная и радостная волна — он жив! Сквозь нарастающую боль в теле он ясно думал: вот что-то время от времени подбрасывает нам неведомо откуда нечто противоречащее правилам, законам и нашему собственному житейскому опыту. Люди привыкли называть это детским словом «чудо». Кто подбрасывает? Откуда? И, главное, зачем? Может быть, каждое очередное чудо — это урок, который говорит тебе: ты знаешь не все. О себе, о других, об окружающем тебя мире. Остановись, оглянись, подумай...